

Клер, моей звезде

Я встретила с Р. дождливым январским днем 2016 года в кибуце Беэри — на самой границе с сектором Газа. Р. почти сто лет, у нее морщинистое лицо и живые глаза, внимательно меня рассматривающие. Пронзительный взгляд Орловых — первое, что я замечаю. Кибуц, где живет Р., — престранное место. Машин за окном почти не слышно, вокруг царит тишина. Здесь граница двух миров, которые недобро смотрят друг на друга.

— Значит, вы та француженка, что собирает материалы о моей тете? — говорит Р., протягивая мне чашку черного кофе.

Я киваю.

Р. до сих пор работает библиотекарем — несколько часов в неделю. Она одна из основателей кибуца, но сегодня, по ее словам, «почти что мебель» здесь. Даже когда шутит, Р. не улыбается. И лишь когда внучки виснут у нее на шее, она выглядит растроганной.

Похоже, Р. подготовилась к беседе. Она собрала вырезки из израильских газет, дневник своего отца и собственные записи.

Уже начав рассказывать, она обрывает себя на полуслове:

— А почему, собственно, вы так интересуетесь Ханой Орловой?

Я ждала этого вопроса и все равно бормочу что-то невразумительное. Забавно: я пытаюсь разузнать все, что можно, о давно умершей женщине, живу ее жизнью три с лишним года — и толком не знаю почему. Не способна ответить на такой простой вопрос. Кто она мне, если я ей никто?

Когда я впервые остановила взгляд на скульптуре Ханы Орловой, это имя ничего мне не говорило. Я проходила мимо одной из ее работ один, два, десять раз в парижском музее искусства и истории иудаизма — на выставках, не ей посвященных. Ее «Художник-еврей» скромно стоял на втором этаже, в переходе, отведенном под постоянную экспозицию.

И вот однажды я попала в ее мастерскую — по чьей-то рекомендации. Это было 20 марта 2015 года. Я встретила там с ее внуками, которые по возрасту годились мне в родители. Они рассказывали о бабушке, и то и дело какие-то эмоции или ситуации отзывались во мне узнаванием — притом что наши жизненные перипетии сложно сравнивать.

Поначалу Хана Орлова казалась мне призраком: она входила ко мне в голову и уходила, когда ей заблагорассудится, словно знала дверку, через которую можно туда проникнуть. Я сама не ожидала, что она так легко освоится в лабиринте моей взрослой жизни.

И все же первое время я была убеждена, что смогу заниматься этой темой, не позволяя объекту исследования чрезмерно вторгаться в мою жизнь. Я верила, что смогу погрузиться в пережитое Ханой и хладнокровно анализировать ее историю. Лишь потом я осознала: дотошно разбирая противоречия и колли-

зии другого человека, я начинаю лучше понимать собственные.

Когда я стала узнавать Хану ближе, меня прежде всего покорило ее стремление к свободе. Хана Орлова хотела быть свободной от всех условностей, от любых оков и догм, от ожиданий общества и семьи — не только как женщина, но и как человек. Чтобы воплотить свои мечты, она никогда не страшилась идти непроторенными дорогами. И шла до конца, даже если оказывалась в изоляции и испытывала внутренний разлад. Она, можно сказать, заключила союз с одиночеством.

А еще ей не давало покоя все, что касалось женского начала. Эта бесконечно сложная материя — становление женщины — чрезвычайно занимала ее. И всю жизнь Хана Орлова пыталась вылепить женственность во всех ее проявлениях, женственность истинную, без прикрас и грима. При этом она не была воительницей и чуралась всякого активизма. Ее манифестом стала скульптура, а не общественная деятельность.

Так день за днем персонаж по имени Хана Орлова оформлялся в моей голове. Прояснялся ее физический облик, внушительный и харизматичный; становились понятнее ее болезненная скрытность, почти маниакальная, и ее безусловное мужество. Узнавать Хану Орлову означало смотреть на Париж ее глазами. Составлять карту моего города по воспоминаниям другого человека. Открывать для себя каждое кафе, каждый квартал, каждое название улицы или станции метро — как будто я видела их впервые.

Хана Орлова покинула этот мир так же, как пришла в него, — на цыпочках. Мне пришлось искать ее там, где она покоится уже полвека, — в пантеоне забытых звезд. А главное, пришлось смириться с тем, что поиск принес куда больше вопросов, чем ответов.

И потому эта книга, как балансирующий на проволоке канатоходец, клонится то в сторону фактов, то в сторону моего воображения. В ней немного Ханы и немного меня. На некоторых страницах я попыталась стать эхом Ханиного голоса и записать ее внутренние монологи, опираясь на собранные свидетельства. Я вывела ее такой, какой представляю, и при этом позволяла себе определенные вольности и показывала то, о чем умолчали архивы.

У моей Ханы Орловой наверняка много общего с реальной, и все же она остается моей. Мне нравится думать, что героиня этой книги похожа на настоящую Хану. Я даже смею надеяться, что прототипу она бы понравилась.